

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84(4Вел)-44

Э18

Eric Rücker Eddison
THE WORM OUROBOROS

Перевод с английского В.А.М.

Дизайн Виктории Лебедевой

Иллюстрация на переплете — Дмитрия Андреева

Эддисон, Эрик Рюкер.

Э18 Змей Уроборос: [фантастический роман] / Эрик Рюкер Эддисон; [перевод с английского]. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 480 с. — (Мастера Фантазии).

ISBN 978-5-17-108752-4

Когда впервые вышел «Властелин Колец» Дж. Р. Р. Толкина, обозреватели поняли, что его можно по праву сравнить только с одной книгой — великим фантастическим романом Э. Р. Эддисона «Змей Уроборос».

Действие этого потрясающего произведения о необыкновенных приключениях разворачивается на далекой, захватывающе красивой планете, населенной лордами и королями, могучими воинами и красавицами с волосами цвета воронова крыла. Это рассказ о великой войне за власть, могучем колдовстве, героических деяниях и изощренном коварстве.

Впервые на русском языке — в переводе легендарной Валерии Маториной!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-108752-4

© В.А. Маторина, наследники, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Книгу можно по праву считать предшественницей и, в какой-то мере, литературным истоком «Властелина Колец» Дж. Р. Р. Толкина. В ней такая же обширная «география», масса стран, имен и названий, благородные герои совершают великие подвиги. Читатель знакомится с многовершинным Демонландом, Колдунией и другими странами, вместе с героями преодолевает горы и моря, встречается как с добрыми, так и со злыми чарами, попадает в зловещую крепость Горайса XII и в волшебную гору Коштру Белорну.

Толкин явно взял у Эддисона эпический размах повествования, построение книги (целыми блоками глав то про одни, то про другие события), манеру давать имена, деление героев на «белых» и «черных», причем, благородным могут быть присущи ошибки, а злобным — вполне положительные свойства, и описываются они столь же подробно и уважительно. Можно предположить, что замок Карсэ послужил прообразом Черной Башни, где властвует король Горайс, не доведенный до абсолюта будущий Саурон. И Эддисон, и Толкин вставили в одну из сцен старика, который появляется из ниоткуда, пророчествует и исчезает. В другой сцене герои, побывав в зачарованном месте, определяют по луне, на сколько дней выбыли из обычной жизни. Главные герои обеих книг, Арагорн и Джасс, владеют даром врачевания. Чтобы держать читателя в напряжении, оба автора часто доводят события до полной безнадежности, а потом неожиданно вводят помощь извне, и все реша-

ется. В конце книги Эддисон приводит хронологию событий, и точно такую же приводит Толкин. В обеих книгах примерно одинаковое количество стихотворных вставок, отлично дополняющих сюжет, с той разницей, что Эддисон брал стихи из средневековой литературы, а Толкин писал их сам.

Если пойти дальше, то Толкин использовал музыку в начале «Сильмариллиона», борьбу мелодий добра и зла при сотворении мира. Не была ли одним из первоисточков этого музыка в Коштре Белорне у Эддисона?

Борьба добра со злом вечна, мимо этой идеи не мог пройти Толкин, и конец книги Эддисона в этом смысле логичен, хотя весьма своеобразен. Если пойти дальше, то Тем, кто любит Толкина, обязательно стоит прочитать «Змея Уробороса», не забывая при этом, что иногда сходство может быть чисто внешним (литературная школа), а различия — глубоко внутренними (разница в идеологии, обусловленная временем написания, и мера таланта).

В.А.М., 2012 г.

ИЗ ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬИ К АНГЛИЙСКОМУ ПЕРЕИЗДАНИЮ РОМАНА

Прошло 30 лет с тех пор, как «ЗМЕЙ УРОБОРОС» впервые вышел из печати в Англии и 26 — с тех пор, как я впервые поддался его мощным чарам. С тех пор я его несколько раз перечитывал, каждый раз находя новое подтверждение тому, что понял сразу: этот великолепный роман — шедевр, очень своеобразный, хотя, может быть, не вполне совершенный, а Эрик Эддисон — большой мастер английской прозы, несправедливо обойденный вниманием. Давно пора открыть его снова. Может быть, с переизданием книги это произойдет.

Эрик Рюкер Эддисон был преуспевающим госслужащим, а также автором нескольких мелких литературных произведений и трех замечательных романов: «Змей Уроборос», «Любовница из любовниц» и «Рыбный обед в Мемисоне» (а после его смерти в 1945 году был обнаружен большой фрагмент недописанного четвертого). Все три независимых романа отдаленно связаны одной идеей, являются частями бесконечного романтического эпоса. «Змей Уроборос» уникален в простоте своей темы: это героические приключения. В двух других книгах наличествует, кроме этого, достаточно глубокая философия. Поэтому лучше начать читать со «Змея», так легче войти в космос воображения Эддисона. А тот, кто раз насладится необыкновенным удовольствием от первой книги, наверняка захочет погрузиться в дальнейшие глубины метафизики и фантазии.

Каковы причины считать этот небезупречный шедевр (столь благородный по замыслу, богатый по охвату событий и вместе с тем не лишенный некоторых досадных огрехов) достойным серьезного изучения? Во-первых, в нем есть великолепный размах, квинтэссенция рассказа ради рассказа, что в нашем мире, который предпочитает самоанализ, стало редкостью. Во-вторых, это роскошная проза...

...Поскольку это эпический роман о воображаемом мире, Эддисон счел нужным очертить сцену и кое-что объяснить перед тем, как начинать собственно рассказ. Сделал он это неуклюже, отправив англичанина в магическом сне на планету Меркурий наблюдать за разворачивающимися там событиями. Это неудачный и отвлекающий прием. Но так как Эддисон после первых двадцати страниц забывает о своем земном наблюдателе, читатель может больше о нем не беспокоиться. На Меркурии Эддисон решил назвать представителей разных народов колдунами, демонами, гоблинами, бесами, пикси. Это тоже отвлекает, но ненадолго.

Темой этой современной Илиады становится великая война между демонами и колдунами. Такую войну так подробно еще никто не описывал. Намеки на нее можно найти у Гомера, в исландских сагах и в «Смерти короля Артура» Томаса Мэлори. Описываются битвы на море и на суше, гибельные походы и приключения, подлые измены и великие подвиги, совершаемые настоящими героями и титулованными негодьями. Сцена за сценой волнуют воображение, достигая такого уровня, что накрепко врезаются в память. Это поединок между лордом Голдри Блажко из Демонланда и жестоким королем Колдунии Горайсом XI; сражение лорда Джасса и лорда Брандока Даха с жутким чудовищем мантикорой; восхождение на сказочную гору Коштру Пивварку; преступления злобных герцогов Колдунии Корсуса и Кориниуса; предательства храброго и умного гоблина лорда Гро, обреченного неким проклятием на постоянные измены.

Эти герои и подлецы, так же как прекрасные королевы и принцессы, появляющиеся вскользь, — вовсе не прописан-

ные до тонкостей портреты. Они все — эпические герои, как Ахилл или Роланд, колоритные, живописные, нереальные и очаровательные. Подлые колдуны порой даже более привлекательны, чем героические демоны. Их приключения играют более важную роль, чем их взгляды, что вполне соответствует эпосу. Кроме того, Эддисон ведет рассказ в уникальном, чеканном стиле.

Проза «Змея Уробороса» не похожа ни на что, написанное позже семнадцатого столетия...

...Если бы «Змей Уроборос» был только красиво написанным славным приключенческим романом, это уже было бы большим достижением. Но дополнительный оттенок ему дает свежий ветер из иного мира с иной системой ценностей. Сам Эддисон, недолюбливавший двадцатое столетие, страстно верил в идеалы, вдохновлявшие лорда Джасса и лорда Брандока Даха, великих воинов и учтивых рыцарей. Храбрость, благородство и преданность само собой разумеются; женщины красивы, значит, им надо служить; славы добиваться стоит.

Все несложно, безоговорочно и оправдано. Эти воины могут быть язычниками или полуварварами, но им не свойственны скользкие сомнения или слезливая неуверенность. Даже подлецы у Эддисона героичны в своей монументальной подлости. Сама жизнь прекрасна и удивительна, а магические заклинания и сверхъестественные чудеса в большом количестве лишь делают ее более волнующей. Когда надо переплыть широкую реку Бхавинан на крокодиле или высидеть яйцо гиппогрифа, чтобы обрести нового Пегаса, жизнь становится славным приключением.

Мы живем в гораздо более прозаичном, но не менее опасном мире, и должны радоваться возможности побывать в многовершинном Демонланде и проникнуть в замок Карсэ, зловещую крепость короля Горайса XII в Колдунии.

Новое издание «Змея Уробороса» является в литературе событием первостепенной важности.

Орвил Прескотт, 1962 г.

ИЗ БАЛЛАДЫ О ТОМЕ РИФМАЧЕ

У Хантли реки честный Томас лежал,
И увидел светлую деву.
Как чудо, конь ее подскакал
К нему под Эйлдонское древо.

В зеленой юбке была она,
Плащ-бархат накинут небрежно,
Полсотни бубенчиков в гриве коня
Звенели сладко и нежно.

Честный Томас шапку со лба сорвал
И упал перед ней на колени.
«Привет тебе, Дева Мария, — сказал, —
Царица небесной сени!»

«Нет, Томас, — услышал он, словно во сне, —
Это имя совсем не мое.
Я правлю в дивной эльфийской стране,
И пришла к тебе из нее».

«Иди ко мне, Томас, — сказала, маня, —
Пой и играй со мной.
А если еще поцелуешь меня,
Навек потеряешь покой».

«Ничего не боюсь я, — Томас сказал, —
Что б со мной ни случилось, Дева!»
И алые губы поцеловал
Под зеленым Эйлдонским древом.

ИНТРОДУКЦИЯ

Звали его Лессингам, и жил он в Востдейле в старинном приземистом особняке в глубине старого седого сада с роскошными тисами, которые еще саженцами видели викингов в Копленде. Лилии, розы и дельфиниумы цвели у ограды, а на клумбах перед крыльцом красовались бегонии с цветами крупными, как блюдца: белыми, красными, розовыми и лимонными. По камням стен ползли вверх вьющиеся розы, жимолость, клематис и огненно-пурпурные вьюнки. Справа и слева за садом темнел густой лес, а на открытом северо-востоке виднелось вдали одинокое озеро. Горизонт замыкали горы: над четким плавным абрисом холмистой гряды высоко поднимал голору скалистый Гэйбл.

На теннисный корт уже прокрались длинные прохладные тени, воздух стал золотистым. В деревьях ворковали голуби. Два зяблика играли возле сетки, по дорожке торопилась трясогузка.

Распахнутое французское окно открывало часть столовой с панелями темного дуба и столом времен короля Якова. Поблескивало серебро, искрился хрусталь, прихотливыми цветными пятнами перекликались цветы в вазах, горы фруктов на веджвудских блюдах: сливы, персики, мускатный виноград. Лессингам полулежал в кресле-качалке, устремив взгляд сквозь дым послеобеденной сигары на розы Слава Дижона, которые свисали из окна спальни, купаясь в мягком вечернем свете.

Её рука лежала в его руке. Это был Их дом.

— Давай dokonчим главу о Ньяле? — предложила она.

И, взяв тяжелый фолиант в выцветшей зеленой обложке, начала читать:

— «Он вышел в ночь на воскресенье, когда до зимы оставалось еще девять недель; услышал он великий треск, так что подумал, что земля сотряслась вместе с небом. Тогда посмотрел он на восток, и ему показалось, что он видит там огненное кольцо, а в кольце — всадника на сером коне. Приблизился всадник и промчался мимо него так близко, что он хорошо рассмотрел и его, и коня. Пылающий факел держал всадник в руке, а сам был черен, как смоль, и громким голосом пел такие слова:

Быстроног мой конь,
Иней на боках,
С гривы каплет влага.
Мощный конь — беда,
Пламя с двух концов,
Посреди обида.
Как брошенный факел,
Козни Флоси.
Как брошенный факел —
Козни Флоси.

И показалось ему, что всадник швырнул факел на восток в сторону гор, и пламя закрыло от него горы. А сам всадник ускакал в пламя, и не стало его видно.

После того пошел он в постель, и надолго отрешился от всего, а когда пришел в себя, то помнил все, что случилось, и поведал о том отцу. Но отец посоветовал ему рассказать обо всем Хьялти сыну Скегги. Итак, он пошел и рассказал все Хьялти, а Хьялти сказал, что было ему видение Волка-всадника, что бывает перед великими событиями...»

Некоторое время они сидели молча, потом Лессингам вдруг произнес:

— Ты не против того, чтобы мы сегодня спали в восточном крыле?

— Как, в Лотосовой Комнате?

— Да.

— Сегодня мне как-то лень, дорогой.

— Ты не будешь возражать, если я пойду туда один? Я вернусь до завтрака. Я люблю, когда ты со мной, но мы сможем отправиться вместе на исходе следующей луны. Ведь моя любимая не станет бояться?

— Нет! — сказала она, смеясь. Но глаза ее слегка расширились, а пальцы теребили его цепочку от часов. И она добавила: — Лучше бы ты пошел вместе со мной когда-нибудь потом. Здесь так необычно, и Дом, и все остальное. Вдобавок, путь долог, иногда в Лотосовой Комнате можно прожить несколько лет, хотя на самом деле всего лишь до утра. Лучше пойти вместе. Если что-нибудь случится, с нами обоими будет кончено, но тогда это уже не будет иметь значения.

— С нами обоими что? — спросил Лессингам. — Боюсь, что ты не совсем правильно выразилась.

— Ты же учил меня выражаться! — возразила она, и оба рассмеялись.

Они долго просто сидели, потом тени накрыли газон и поползли на верхушки деревьев, и высокие скалы горного отрога заалели в лучах вечернего солнца. Тогда он предложил:

— Хочешь, прогуляемся немного в сторону гор? Сегодня виден Меркурий. Он показывается сразу после заката.

Через некоторое время, стоя на открытом холме, они уже смотрели в небо, а над ними с писком кружились летучие мыши. Наконец, совсем низко на западе над полосой заката в темном небе засветилась туманная планета.

— Сегодня вечером Меркурий словно показывает на меня пальцем, Мери, — заметил Лессингам. — Я сегодня нигде не засну, кроме как в Лотосовой Комнате.

Ее рука сжала его руку.

— Меркурий? — произнесла она. — Это же другой мир. Это слишком далеко.

Но он засмеялся и ответил:

— Нет ничего слишком далекого.

Когда тени сгустились, они пошли назад. Задержавшись под аркой ворот, ведущих в сад, услышали, как из дома льются негромкие отчетливые звуки спинета. Она подняла палец.

— Слышишь? Это твоя дочь играет «Преграды».

Они постояли, прислушиваясь.

— Она любит играть, — прошептал он. — Хорошо, что мы научили ее. — И добавил, тоже шепотом: — «Тайные преграды». Интересно, что вдохновило Куперена на такое мистическое название? Только мы с тобой знаем, что оно означает на самом деле. «Тайные преграды».

В ту ночь Лессингам лежал один в Лотосовой Комнате. Ее решетчатые окна открывались на восток в сторону спящего леса и дремлющих обнаженных холмов Иллгил Хед. Сон его был спокоен и глубок, потому что это был Дом Мира, Послеполуденный Дом.

В самый глухой час ночи, когда убывающий месяц выглянул из-за горного отрога, он вдруг проснулся. Серебряный луч падал через открытое окно на маленькое существо, сидевшее в ногах на спинке кровати. Черная круглоголовая птичка с коротким клювиком и длинными острыми крылышками сверкнула яркими, как звезды, глазами и вдруг произнесла:

— Пора.

Лессингам встал, взял с кресла большой плащ, завернулся в него и сказал:

— Я готов, ласточка.

Ибо это был Дом Сокровенных Желаний.

Сияющие глаза ласточки наполнили комнату звездным светом. Комната была старая, резные узоры из лотосов украшали панели, кровать, кресла и потолочные балки. В призрачном свете лотосы изгибались, словно покачиваясь в ленивом водном потоке. Лессингам подошел к окну, ласточка села ему на плечо. За окном, не касаясь земли, ждала колесница цвета лунного нимба, запряженная странным крылатым конем, его передние ноги были покрыты перьями и заканчивались не копы-

тами, а когтями. Человек вошел в колесницу, и ласточка пересела к нему на колено.

Взмахнув крыльями, дикий скакун взмыл в небо. Ночь вокруг заполнилась пузырьками, подобно тем, что окружают ныряльщика в глубокой воде под гладкой скалой. Скорость поглощала время. Мир кружился. Но всего через пару мгновений невероятный скакун широко распростер крылья и спланировал на большой остров в дремлющем море, окруженный другими островами поменьше. На острове высились скалистые горы, на холмах раскинулись пастбища, и в лунном свете блестяла вода в родниках, ручьях и водопадах.

Они приземлились у ворот, увенчанных изваяниями золотых львов. Лессингам сошел с колесницы, ласточка закружилась над его головой, указывая путь через ворота на тисовую аллею. Словно во сне, он последовал за птичкой.